

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Елена ЛАЗАРЕВА, прозаик. Родилась в Ульяновске в 1991 году. Окончила Самарский государственный институт культуры. После института окончила курсы копирайтеров, работала в различных сферах: психология, спорт, питание, красота. Ведет блог «Пашины тексты». Работала библиотекарем, маркетингом. Снималась в фильме «Божий дар – 2. Испытание немощью». Пишет сценарии и небольшие рассказы. Принимала участие в литературной мастерской «Платиновый век» (Ульяновск) и «Посадский экспресс» (Сергиев Посад). Лауреат межрегионального православного конкурса «Волжский благовест – 2024».

КИРЮШКА

Мальчик снял чёрную шапку-ушанку и заглянул внутрь. На флисовой подкладке ещё виднелись советские «двадцать пять коп.» и ещё пара слов, разобрать которые было уже невозможно. Только какие-то «сос.», «фли...100».

– И чё там увидел? – ткнул его товарищ, Гришка.

– Да, так... пошли дальше! – Кирюшка быстро нацепил шапку обратно и прибавил шаг.

Кирюшка хотел свернуть на короткую дорогу, но, увидев завалы снега, передумал. Мальчики двинулись по улице. Её так замело за ночь, что в некоторых местах от заборов виднелись только верхушки штакетников. Даже сельские псы хитрили – шли там, где уже протоптали люди.

– Смотри, кажется, здесь поворот на Федулаев дом... – встал как вкопанный Гриша, озираясь по сторонам.

Кирюшка осмотрелся.

– Да, нет, нам чуть дальше. К рябинкам и от них направо, – он снова снял шапку, двадцать секунд посмотрел на флис и натянул обратно.

– Что ж ты её крутишь-то? Как талисман, что ли...

Мальчик промолчал и пошёл вперёд. Вслед за ним заскрипели Гришкины шаги. Казалось, что спит всё вокруг: колонки, заборы, вишни в саду, дома и вообще, вся деревня. Только скрип снега под шагами двух друзей нарушают эту необычную тишину.

Гришка был из полной семьи, родного отца он не знал, воспитывал его отчим. Мать работала поваром в том же детском саду, в который ходил Гришка. Он уже порядком устал быть под надзором двадцать четыре на семь. Если Гришка что-то творил, например дрался или сбегал со двора детского сада во время прогулки, об этом сразу узнавала мать. Дома рыжеволосый малец, конечно же, по-

лучал по первое число. Мать сразу отбирала робота со светящимися глазами, который умел сгибать руки, – дорогой подарок от городских родственников. Гришка очень переживал такие дни. И везло, если к такому наказанию не применялось ещё одно – домашний арест.

То ли дело Кирюшка. Парень взрослый – десять лет, вместе с другими ребятами самостоятельно в школу добирается. Никто не встречает, не провожает. Поэтому дорогой может прокатиться на портфеле с горки или на валенках. Мать не заругает. Потому что её попросту не было – уехала в командировку и не вернулась, а отец вечно занят. Только чем, никто из ребят не знал, а спрашивать... Да есть ли дело до чужого бати?

– Вот здесь, – сказал Кирюшка и полез за какой-то бумажкой в карман. – Слова помнишь?

– Ага, а чего это у тебя?

– На вот, баба Маня вчера написала на всякий...

На тетрадном листке в клетку аккуратным школьным почерком было что-то написано. Постаралась баба Маня, бабушка Кирюшки, к которой он иногда забегал после школы. Бабушка – это единственная женщина, которая заботилась о нём с тех пор, как пропала мать. Каждый раз она встречала внука и старалась вкусно накормить, дать с собой гостинцы, зашить штаны. Вот и вчера Кирюшка попросил написать слова на листе, для подстраховки.

Глаза друзей забегали по строчкам, губы зашевелились. Только Гришка изредка морщился и тяжело вздыхал. Кирюшка спросил:

– Гринь, а читать-то умеешь?

– Ну да, батяка научил, пока я с ним в лесу торчал, когда он работал лесником.

– Хороший у тебя батя... – Кирюшка аккуратно спрятал бумажечку в карман. – Ну, пошли.

Кирюшка шагнул первым к воротам Федулаева дома и тихонько отворил калитку.

– Кирюх, а собака?..

– Да нет тут никакой собаки. В сарае она.

Мальчишки шустро проскочили до крыльца и постучали, но никто не ответил. Тогда Кирюшка решил приотворить дверь, в сенях там горел свет. Помешкав с пять секунд и дождавшись, когда товарищ встанет спокойно рядом, пропел:

– Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия ми рови свет разума...

Гришка подхватил:

– ...в нем бо звездам служащий звездою учаху ся Тебе кланяться...

Дуэт юных певчих прервал голос женщины средних лет:

– Ой, кто это там?

Мальчишки завершили песнопение:

– Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе.

– С Рождеством Христовым, деточки. Сейчас, – хозяйка Федулаева дома исчезла в одной из комнат и через пару минут появилась снова. – Это кто же вам рассказал про такое пение?

– Баба Маня, она...

Гришка перебил друга:

– Она даже Кирюхе листочек со словами дала.

– Ну тётъ Маня, молодец! Я давно такого не слышала, кроме как в телевизоре. Другие вон за-

ходят и горланят про какой-то колпачок-пяточок, как-то по-детски и совсем не по-христиански... Молодцы, ребяташки. Ну-ка, ладошки подставляйте.

Кирюшка и Гришка протянули ладошки и тут же в них оказалось по пять рублей. А в пакеты женщина положила по пирожку.

– Спасибо, – сказали мальчишки.

– На доброе здоровье, ребяташки. Идите дальше с Богом и бабушкам своим приветы передавайте.

Выйдя на улицу, Гришка раскрыл пакет:

– М-м-м... вот это запах. Так и хочется съесть. Ты будешь, Кирюх?

– Не, дома с молочком. Папка сегодня купить обещал, может, даже парное, – Кирюшка полез в карман, вытащил пяточок и засунул его в варежку, которую отправил в пакет.

– Ну и я не стану. Всё-таки добрая тётка эта...

– Ага, даже собаку спрятала. Чтоб ты зашёл, – засмеялся Кирюшка. Вообще в деревне все знали, что Гришка боялся собак больше, чем огня. Хотя у самого во дворе жила огромная лайка – Найда, они с отчимом нашли её у запруды ещё щенком.

– И вовсе нет. Не боюсь, просто слышал, что она у них бешеная, – надулся друг.

– Ладно, Гришка, тебе ещё только шесть.

– С половиной, мне в школу скоро.

– Я об этом и говорю. В школе уже никто не боится собак, только директора и вроде как учителя географии.

Гришка остановился и удивлённо посмотрел на друга:

– А чего это его все боятся, этого учителя?

– Строгий очень, старшеклассники говорили, что и выгнать с урока может.

Гришка выпучил глаза и стал задавать разные вопросы о школе. Так за разговором о том, какие там «страшные» предметы и какие бывают учителя, ребята прошли ещё пять или шесть домов. В каждом их встречали приветливо. Где-то давали по рублю, а в каких-то – пятьдесят копеек и конфетки. В одном доме, здесь жили Теплехины, бабушка с дедушкой, пахло свежее испечённым хлебом. Калитка была открыта, собаки они не держали уже года три. Поэтому мальчишки без раздумий заглянули и сюда. Вышла сгорбленная старушка, в белом платочке, вынесла четыре кусочка хлеба. Тёплый, напоминающий о чём-то родном своим запахом, он дурманил голову. В этот момент у Кирюшки заурчало в желудке: он не ел с самого утра.

– А это вам за песенку Божью, – бабушка протянула мальчикам по десять рублей, – с Рождеством, детоньки. Храни вас Господь.

Она их перекрестила, Гришка был немного обескуражен, ведь до этого так делала только его бабушка. У ворот он поделился этим с Кирюшкой:

– Да, ладно, баб Маня говорит, что это хорошо. Во всяком случае эта бабулечка добрая. Видишь, как и дома светло, и хлебушек ароматный, – Кирилл достал варежку, которая уже немного звенела мелочью, и сунул туда очередную монетку. Затем снял шапку и посмотрел на нее.

– Ты чего, Кир? Правда, что ли, талисман?

Кирюшка снова ничего не ответил, но в этот момент в его маленьком сердце разлилась такая тоска и грусть! Захотелось забежать домой, скинуть

пальтишко, забраться на любимое кресло и словно упасть в теплые объятия тёплого домашнего уюта, но он знал, что и там он не получит того, что бы утетило его тоску...

Гришка понял, что спрашивать друга бесполезно, и предложил пойти в магазин. От дома, где их угостили свежеепечёнными кусочками хлеба, он находился недалеко. В магазине работала женщина со скверным характером и, когда она увидела детей, сказала:

– Наславились и сразу тратить? Ваших «чупсов» нет, раскупили...

– А вам-то что, тратить или нет? – сказал Ки-рюшка. – Смотреть, что ли, на них? Гриня, трать!

Тот подошел к прилавку:

– Лимонад дайте... «Буратино».

– Пять пятьдесят... – продавщица взглянула на Ки-рюшку. – Ну а ты брать что будешь?

– Не, у меня дома полно...

Женщина многозначительно посмотрела на него и усмехнулась. Ки-рюшка в принципе не любил, когда в магазине работает, как говорит папа, «эта смена». Он не раз видел, как она продавала маленькие бутылки с водкой, но не с витрины, а откуда-то снизу. А сколько раз слышал, как с другими сельчанами сплетничала, в том числе и про его папу. Поэтому он всячески пытался отлынуть от похода за продуктами, когда она работала. Сегодня же Ки-рюшка об этом не подумал, да и не стал бы отказывать другу в рождественский день.

– Вот не зря батяня говорит: бойся её, – сказал Гришка, когда они снова оказались на улице. – Обманула меня тогда на рубль...

– И меня, говорят, она «чупа-чупсы» сама скупает... Ну да пусть, я вырасту, и у меня их будет намного больше. Ну пошли дальше?

– Ки-рюх, давай по домам? Мамка сказала, что сегодня обед наготовит раньше, бабушка придёт...

– Ладно, давай. Пока.

Друзья распрощались, конечно же, условились встретиться на горке вечером, Гришка пообещал зайти за другом. Ки-рюшка свернул на свою улицу, раскрыл пакет и уткнулся туда. Аромат исходил головокругительный, у него засосало под ложечкой. Он представил, как положит в рот кусочек хлеба, запьёт парным молочком... сглотнул. Закрыл пакет, в этот же момент понурил голову. Домой не очень-то хотелось, и он замедлил шаг. На пути попадались большие комья из снега, Ки-рюшка пинал их, словно играл с кем-то невидимым в футбол. Но как бы ни затормаживал шаг, до своего забора всё же дошёл.

Крючком на полуткрытой калитке играл ветер, она и сама поскрипывала, словно старуха, которая жалеет о прожитых годах. Во дворе некрасиво лежали доски, их когда-то привезли, чтобы подлатать крылечко, но от времени, проведенного под снегами и дождями, они уже сгнили. Крылечко же теперь нуждалось не в ремонте, а в полной замене. За досками валялись игрушки, посуда, старые вещи. Будка, где раньше жил пёс Мотя, прохудилась и служила иногда ночлегом для соседской кошки. Вообще весь двор напоминал картинку к рассказу о войне – во всем была разруха,

Ки-рюшка уже не обращал на это внимания. Закрыв калитку на крючок, он быстренько переско-

чил гнилую дощечку на крыльце и дёрнул на себя входную дверь. В сенях было темно и неприятно пахло, поэтому он скорее вбежал в избу.

– Пап! – негромко произнёс ребёнок. – Пап, я дома.

Он прошёл в небольшую тёмную комнату. На железной кровати спал отец. Мужчина лет сорока, с небритым лицом и длинными волосами, на нём была чёрная футболка и какие-то вытянутые штаны. Возле кровати стоял круглый стол, на нём лежала засохшая половинка буханки хлеба, по столу валялись крошки, в тарелке – пепел от выкуренных сигарет. А посреди этой грязи – недопитая бутылка водки. Ки-рюшка заглянул под стол и увидел ещё две пустые банки пива. Он догадался, что приходил сосед, он всегда приходил с зелёным змием под предлогом «Ну праздник же», так и праздновали, пока пьяный сон не свалит.

Конечно, ни о каком парном молоке речи не было. Ки-рюшка вздохнул, разделся и принялся убирать со стола. Схватил красную с белыми машинками майку, служившую теперь замызганной тряпкой, и прошёлся по столешнице. Половина крошек оказалась на полу, а те, что попали в его ладошку, он стряхнул в тарелку. В неё же сложил рюмки и отнёс в кухню.

«И что же этому соседу одному не хлещет-ся...?» – подумал Ки-рюшка и принялся собирать бутылки.

– А, пострелёныш пришёл, – сказал отец, поднимаясь с кровати. – Ну что?

– Что? – удивился Ки-рюшка.

– Чего нынче подают тем, кто славит Христа?

Ки-рюшка притащил пакет и выложил на, уже убранные детской рукой стол два кусочка хлеба, пирожок и конфетки. Выкладывал и рассказывал, кто чем угостил, кого встретил по дороге. Отец внимательно слушал и кивал. Он был ещё не совсем трезв, да и вообще последние годы редко можно было увидеть его в адекватном состоянии, но сыном дорожил. Конечно, он не ездил с ним в город, не играл с ним в настольный хоккей, но с другой стороны – он же его и подарил Ки-рюшке.

– Ну заканчивай, молодец. Дашь что-нибудь отцу на закуску? – он повертел конфетку в руках и посмотрел на сына. Ки-рюшке очень не хотелось, чтобы папка снова пил:

– Может чаю лучше?

– «Чаю, чаю...», – передразнил отец. – Вот вырастешь, я посмотрю, какой чай ты будешь пить. Бутылку давай, которую унёс!

Ки-рюшка потупил взгляд, почесал взлохмаченные белёные волосы, покорно зашагал на кухню и принёс водку родителю. Себе же набрал воду в большую кружку, постлал, сел напротив отца и взял пирожок. Он был с мясом, поэтому проглотил его моментально, не до восхищений, восхвалений было. А вот кусочек хлеба от Теплехиных Ки-рюшка уже посмаковал... Хлеб буквально таял во рту, отдавал какой-то особой сладостью, хотелось ещё, но второй такой был отдан отцу. Тот закусил им свой напиток и снова брякнулся на кровать. Заснул.

Ки-рюшка снова всё убрал со стола, собрал свою верхнюю одежду, которую наспех кинул на табурет, и отправился к себе в комнату, временами она слу-